

Русская графическая среда в изложении британского ученого*

Рец. на: Франклин С. Русская графосфера, 1450–1850 / пер. с англ.
Т. В. Ковалевской. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. – 568 с.

Дмитрий Буланин

¹Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия;

²Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar**

Rev. of: Franklin, S. (2020). *Russkaya grafosfera, 1450–1850*
[The Russian Graphosphere, 1450–1850] / transl. by T. V. Kovalevskaya.
St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 568 p.

Dmitrii Bulanin

¹Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia;

²V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This review examines *The Russian Graphosphere, 1450–1850* (2020) by Simon Franklin, a well-known British specialist in Byzantine and mediaeval Russian history. The book is an authorised Russian translation; the original was published in English a year before. The book contains a reference guide to different types of Russian writing over a period of four hundred years, starting from the mid-fifteenth century. In the book, an overview is followed by a series of case studies on controversial issues dealing with the writing technology that was applied in a particular case. The author focuses his attention on the visual aspect of the writings, their functions, and their interaction as a set of visible words.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00171.

** Citation: Bulanin, D. (2022). The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 355–364. DOI 10.15826/qr.2022.1.676.

Цитирование: Bulanin D. The Russian Graphosphere: The Perspective of a British Scholar // *Quaestio Rossica*. Vol. 10. 2022. № 1. P. 355–364. DOI 10.15826/qr.2022.1.676 / Буланин Д. Русская графическая среда в изложении британского ученого // *Quaestio Rossica*. Т. 10. 2022. № 1. С. 355–364. DOI 10.15826/qr.2022.1.676.

Franklin considers the written sources a system of visually distinguishable signals and calls the system a *graphosphere*. The *graphosphere* is described in its dynamics and correlated with the development of society and culture. The reviewer regards the monograph as an outstanding academic work that opens new paths for future historical research. However, he also expresses regret that the history of the *Russian graphosphere*, which can be seen as a special phenomenon, is partly lost in the book against the background of identical processes that took place around Europe.

Keywords: history of the Russian system of writing, Russian graphosphere, writing technologies, visual aspect

В рецензии рассматривается монография «Русская графосфера, 1450–1850» (2020) известного британского ученого С. Франклина, специалиста по византийской и русской средневековой истории. Монография представляет собой переработанный для русского читателя авторизованный перевод исследования, вышедшего на английском языке годом раньше. Книга содержит систематический обзор различных памятников русского письма за 400 лет начиная с середины XV в. За обзором следуют несколько проблемных очерков, касающихся технологии письма, примененной в каждом отдельном случае. Внимание ученого сосредоточено на визуальном аспекте памятников письма, на их функциях и взаимодействии как совокупности видимых слов. Автор представляет себе письменные источники в виде системы зрительно воспринимаемых сигналов. Эту систему ученый предложил называть графосферой. Графосфера описывается в ее динамике, соотносится с развитием общества и культуры. Рецензент признает монографию выдающимся научным трудом, открывающим новые горизонты для будущих исторических разысканий. Одновременно рецензент выражает сожаление по поводу того, что история именно русской графосферы как особого феномена отчасти теряется в книге на фоне типологически сходных процессов, которые разворачивались по всей Европе.

Ключевые слова: история русской письменности, русская графосфера, технологии письма, визуальный аспект

Саймон Франклин как тонкий знаток русской старины, старейшего ее периода, первых шагов русской культуры, в особенности письменной культуры, не нуждается в развернутом представлении для владеющей предметом публики. К его трудам, где высказаны оригинальные, порой парадоксальные мысли по всему спектру тем, связанных с изучением Древней Руси в пределах до XIII в., и где, в частности, предложены поистине революционные методы для комплексной оценки древнерусской письменной культуры, – к этим трудам то и дело обращаются специалисты. В одной из монографий ученого, написанной в соавторстве с Д. Шепардом, пересмотрены обстоятельства возникновения и недолгого процветания первого государства на землях восточных славян, включая те проблемы, которые до недавнего времени решались прямолинейно через пересказ соответ-

ствующих статей Начальной летописи [Франклин, Шепард]. Другая монография Франклина посвящена социально-культурной динамике письма у восточных славян в IX–XIII вв. Дорожной картой исследователю служит внешняя и внутренняя трансформация средневекового общества, шедшая нога в ногу с распространением письменности, включая сюда как книжные памятники, так и множество других средств, использовавшихся, чтобы транслировать письменную информацию. Социум и письмо неотделимы друг от друга: социум формирует запрос на технологические новации, а технологии, в свою очередь, провоцируют изменения в социуме [Франклин, 2010]. Стоит заметить, что предложенная в монографии классификация письменных источников по трем разрядам признана классической и уже взята на вооружение историками, лингвистами, искусствоведами, археологами, эпиграфистами. Следить за ходом мысли Франклина непросто, потому что он обладает редким талантом ставить неудобные вопросы, обнажать противоречия в общепринятой аксиоматике и парировать возможные контраргументы, приводить в замешательство читателя чередой провокационных предложений – все для того, чтобы в конце показать неожиданное и, как выясняется, лежавшее на поверхности решение головоломки. Внутренний диалог, каскад дилемм, амплификации, хиазмы и другие риторические приемы дополняют яркое впечатление от антиномической манеры Франклина оживлять сухие академические материи. Участие автора этих строк в переводе на русский язык двух предыдущих капитальных трудов Франклина, быть может, позволит чуть более объективно судить о последней книге ученого, русский перевод которой только что вышел в свет [Франклин, 2020]. Перевод авторизованный, в него специально для русского издания внесены немаловажные изменения и дополнения (с. 6–8)¹.

Автор книги решил сам испробовать, как работает на практике изобретенный им подход к русской письменности в историческом ее развитии. Письменность есть одно из величайших изобретений человечества, позволяющее генерировать, консервировать и передавать информацию. Она представляет собой систему условных знаков, средство коммуникации, дающее возможность владеющим кодами адресанту и адресату обмениваться сообщениями, преодолевая разделяющее их пространство и время. Но в письменном обществе комбинация условных знаков всегда несет дополнительную нагрузку. Помимо внутреннего своего содержания, любой письменный источник имеет набор зрительно воспринимаемых сигналов, создающих в некотором роде вторичную систему с собственной функцией, порой производной от транслируемых с помощью этих сигналов слов и сообщений, а порой вполне автономную. Письмо со времени его изобретения так глубоко вживлено в окружающую человека реальность,

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

что символическая его значимость не исчерпывается языковой коммуникацией, которая требует от участников определенных навыков. Письмо властно вторгается в жизнь даже не владеющего этими навыками человека. Вещи, носители письма, и сами письменна оказывают воздействие друг на друга, письменность меняется со временем, стремится к экспансии, для чего неуклонно совершенствуются ее технологические характеристики. В свою очередь, технологический прогресс влияет на культурную эволюцию, а они вместе образуют динамическую модель, где баланс между технологией и культурой есть величина переменная, устанавливающаяся сообразно запросам каждой из исторических эпох. Для наименования множества «видимых слов», из которого состоит такая динамическая модель, Франклин предлагает терминологический неологизм «графосфера», хотя автор рецензии предпочел бы, пожалуй, менее ранящее слух словосочетание, скажем, «графическая среда» (гл. 1).

В пределах установленных им хронологических границ автор последовательно рассматривает многообразные и множасьщиеся с каждым столетием феномены, которые прибегают к разным технологиям письма для разных надобностей, в том числе эксплуатируют заложенный в технологиях потенциал, позволяющий, помимо передачи словесной информации, модулировать зрительные образы. Включенные в обзор явления сначала описываются, потом объясняются, потом сравниваются с родственными фактами в русской и европейской культурной среде (с. 32). Рассказ о судьбе каждого из явлений по возможности ведется в порядке исторической хронологии. Диапазон привлекаемого материала широк – от рукописного кодекса до водяных знаков и театральные билеты (гл. 2–3). Для сортировки и описания всего этого богатства полезной оказывается трехчастная классификация памятников письменности, предложенная самим Франклином в его предыдущей книге. Классификация отличает первичное письмо – письмо на материалах, специально предназначенных для хранения и передачи языковой информации (книги, грамоты, визитные карточки, и др.), вторичное письмо, отыскиваемое на предметах, имеющих собственное назначение, но включающих письменное сообщение как органический элемент целого (подписи к картинам, мемориальные доски, легенды на монетах и др.), третичное письмо, которое окказионально возникает на предметах, для такого их использования не предназначенных (граффити, инскрипты, разметки и др.). Провести строгую границу между разрядами не всегда легко.

Как считает Франклин, понятие графосферы открывает в истории новые направления, связанные с изучением технологий письма. Немыслимо раскрыть все эти направления и включить полученные результаты в одну монографию. Читателя предупреждают, что ему демонстрируют неосвоенную целину для будущих работ, а не передают во владение распаханное дотошными предшественниками поле. Все-таки, помимо обзора самих феноменов, образующих графосфе-

ру, обзора, который по определению не может быть исчерпывающим, Франклин предлагает в монографии несколько проблемных очерков. Там, оперируя понятиями из изобретенного им инструментария, специально подобранного для оценки визуальных аспектов в пестром наборе памятников письма («графосфера»), он показывает, каких конкретных результатов позволяет достигнуть «графосферный» подход к источникам. В частности, в главе 4 раскрыта диалектика, регулирующая взаимоотношения языков, престиж и популярность которых менялись от эпохи к эпохе, с одной стороны, и применявшихся этими языками алфавитов и шрифтов, с другой.

Предпосылкой для разысканий послужило то, что алфавит как явление, воспринимаемое глазами, доступен всем, в то время как для манипуляций с языком, используемым в данном образце письменности, требуются знания этого языка. Исходя из того, что графосфера является пространственной категорией, в главе 5 Франклин рассматривает различия в процессе освоения «видимым словом» двух территорий – публичной и домашней. Интересны замечания о сравнительной интенсивности этого процесса в разные исторические эпохи: если в античном городе надписи и тексты активно участвовали в формировании ландшафта, окружающего человека, то в Средние века, когда жизнь города была обращена вовнутрь, визуальные знаки перестали выноситься на всеобщее обозрение. Они сосредоточивались преимущественно в церкви. Обратная тенденция наметилась и стала набирать силы начиная с эпохи Возрождения.

Еще один очерк автор посвящает тому, что он называет «экологией» графосферы, то есть взаимодействию между собой разных форм «видимого слова» (гл. 6). Раскрыт механизм «обратного переноса технологий», когда во времена торжества типографского производства его продукция распространяется с помощью технологий, стадияльно предшествующих печатному станку, будь то рукописные копии или иные материальные носители. Здесь же приведены примеры гибридизации технологий. Классическим примером являются печатные, гравированные, размноженные иной техникой формуляры и бланки со специально зарезервированными в них пробелами. Туда пользователь вписывает от руки недостающие в шаблоне конкретные данные, которые в совокупности с печатным формуляром превращают заготовку в полноценный документ.

В последней из проблемных глав (гл. 7) Франклин присматривается к ситуациям, когда в действие вступает репутация, которую приобретают в определенной исторической обстановке те или иные технологии письменного сообщения. Достаточно в этой связи вспомнить имитирующие буквенное письмо писания неграмотного Пугачева, служившие в его глазах средством доказать свое царское происхождение. Укреплению авторитета власти обыкновенно поспешествовало печатное слово, повышенный статус которого нередко укреплялся и административным аппаратом (например, если признавались дей-

ствительными одни только печатные паспорта). Со временем сам факт производства текста с помощью печатного станка мог восприниматься как гарантия официального происхождения этого текста («власть технологий», как выражается Франклин). Преимущество технологии иной раз оборачивалось ее неудобством, в случае, например, если, прибегая к множительной технике, злоумышленники изготавливали подделки или оппозиционные документы. Завершающую монографию главу 8 ученый многозначительно назвал «В (не)завершение», подчеркивая таким образом скромность своих поползновений как первооткрывателя тех атрибутов исторических источников, которые прежде не привлекали внимания специалистов. Конечной целью его разысканий, настаивает автор, является не закрытие темы для будущих историков, а, напротив, приглашение возможных преемников к дальнейшим разработкам материала по предложенному рецепту.

Пять дифирамбы очередному масштабному исследованию выдающегося ученого – занятие не очень плодотворное. Достаточно будет сказать, что рецензируемая книга Франклина, как и прошлые его труды, имеет безупречно выстроенный план, каждая глава открывает новые перспективы в исследовании графосферы, работа богата неожиданными открытиями целых пластов культуры и мастерской интерпретацией отдельных ее сегментов. Подкупающим читателя свойством монографии является всегдашняя готовность автора признать, что для сложного явления он не в силах пока предложить однозначное, иногда вообще какое бы то ни было толкование. Малоинтересно не только восхвалять подобную книгу, то также выискивать в ней ошибки и огрехи частного характера. Понятно, что при столь широкой исторической панораме, какой отличается монография, Франклину приходилось черпать сведения о привлекаемых источниках из вторых рук. Руки эти не всегда оказывались надежными, а о тех руках, что покрепче, автор не всегда был осведомлен. Попытаться дополнить тот перечень носителей «видимых слов», каким оперирует Франклин, новыми выразительными примерами – затея тоже не самая счастливая. Книга написана о взаимодействии технологий письма с обществом и его культурой, о законах, регламентирующих это взаимодействие. Автор не брался составить полный каталог элементов графосферы. Конкретные факты используются в необходимом и достаточном количестве только для подтверждения или опровержения обсуждаемых тезисов. Нагромождение дополнительных фактов скорее помешало бы проникнуть в суть охваченных исследованием вопросов. Гораздо интереснее поразмышлять об общей концепции Франклина. Даже самые рьяные поклонники его научного таланта едва ли будут спорить, что обсуждаемая книга не так завораживает читателя, как две предыдущие, оказывается отчасти в тени, какую отбрасывает предшествующая монография – блистательный анализ древнерусской письменной культуры IX–XIII вв. В том ли только дело, что автор иногда повторяет самого себя, или имеют значение и другие нюансы?

Просмотрев еще раз труд Франклина, с некоторым удивлением видим, что он меньше всего сообщает нам о... русской графосфере. То есть основное место там, конечно, отведено русским по происхождению музейным и бытовым предметам с «видимым словом», однако ни в формах письма, ни в наборе носителей, ни в их взаимодействии, ни в их движении во времени, за исключением нескольких второстепенных эпизодов из культуры повседневности (ср. на с. 408–409 о пальме первенства, принадлежащей России в использовании печати для фискальных целей), не обнаруживается никаких оригинальных черт. Русская «технология письма» неизменно следует за европейской, естественно, отставая от нее когда на десятилетия, а когда и на несколько столетий. Закономерно, что большинство примеров взято в книге из русской повседневности XVIII в., когда имитация Европы предписывалась начальством как единственный правильный *modus operandi*.

Любопытно, что Франклин, будучи весьма проницательным аналитиком, и сам не исключал, что его труд кто-то будет воспринимать как бинарное противопоставление русского и иностранного (с. 177; ср. с. 390–391). Предусматривал автор такое впечатление или нет, но книга прочитывается именно в этом ключе, и нетрудно указать причину получившегося эффекта. В заключительных словах перечислены четыре фактора, признаваемые автором важнейшими для развития графосферы: «технологии; политические решения; институциональные требования; хозяйственная деятельность» (с. 461). Набор довольно типичный для работающих в русле исторической антропологии, в котором примечательным образом пропущен такой фактор, как духовная культура. То, что она более решительно и последовательно выключена из уравнения, нежели это было в предыдущей книге Франклина [Буланин], ретушировало своеобразные черты русской культуры вообще и создало крен в сторону «технологического детерминизма» при описании большинства явлений русской графосферы в частности (ср. с. 21, где ученый сам рассуждает о нежелательности подобного дисбаланса).

Обозначая временные рамки своего исследования как 1450–1850-е гг., автор прямо примеряет к истории России хронологическую сетку, основанную на фактах европейской истории, что дополнительно подчеркнуто определением данного периода как «долгого Нового времени» (ср. *longue durée* Ф. Броделя). Равнение на Европу задается, и задается сознательно, уже на уровне хронологии. История графосферы, какой она предстает на страницах рассматриваемой работы, сводится к процессу безостановочного технологического прогресса в формах письменности и в функциональном обогащении окружающей человека письменной среды. Почему же тогда в России наблюдается другая, отличная от Европы динамика? Если мы рассчитываем понять эту динамику, к факторам, определяющим «русское ответвление» графосферы, придется добавить ту самую духовную, а лучше сразу сказать – религиозную составляющую, которой предлагает пренебречь Франклин.

Симптоматично, что религиозный фактор заявил о себе в полный голос в те именно годы, которые выпали из поля зрения Франклина, оказавшись в хронологическом «зазоре» между столетиями, охваченными в двух его книгах (IX–XIII вв. и 1450–1850-е гг.). Речь идет о подлинном культурном перевороте, начавшемся не в 1450 г., а на полстолетия раньше – на рубеже XIV и XV вв. и проявившем себя в монастырском возрождении. Такой источник духовной энергии надолго определил перипетии русской истории, специфику местной культуры и всех технологий, эту культуру обслуживавших, включая технологии письма. Изобретение Гутенберга, столь значимое в концепции Франклина, прошло в России незамеченным, потому что в течение XV в. окончательно обозначилась дивергенция в развитии ренессансной культуры Запада, с одной стороны, и монастырской культуры России, с другой. Их дивергенцию не может объяснить ни один из четырех факторов, выделенных в книге о графосфере, хотя сделанный тогда культурный выбор наложил отпечаток на всю дальнейшую историю «видимого слова» в России.

Эта история, как и все прочие аспекты русской культуры, может быть адекватно описана только в конфессиональных терминах. Нужно понимать, что монастырский устав *mutatis mutandi* понимался как норма жизни и регламент духовной культуры не в одних только иноческих обителях, но и по всей вертикали московского общества от царя до последнего холопа. Сложившаяся модель объясняет, почему в московской духовной культуре вплоть до Петровской эпохи по большому счету отсутствовала социальная дифференциация. Значительную часть своей жизни царь проводил в церкви, как и вся аристократия, он лицезрел вокруг себя то же, что видели и насельники монастыря, читал книги из репертуара монастырской библиотеки и т. д. Монастырский устав обеспечил и максимальную инертность «русского ответвления» графосферы. Тот, кто будет смотреть на Россию после петровских преобразований со стороны Европы, а при описании начавшегося тогда интенсивного развития графосферы придерживаться «технологического детерминизма», неминуемо ограничит свой кругозор «культурой повседневности», свойственной тончайшему верхнему слою в русском обществе. Ибо с этого времени в России существовало две культуры, из которых культура низших сословий сравнительно со старомосковской почти не претерпела изменений.

Верхняя хронологическая граница, проведенная Франклином (1850 г.), иррелевантна для истории графосферы в социальных низах, где еще во второй половине XX в. охотно переписывали и читали душеспасительные тексты тысячелетней давности. Духовным идеалом, охватывающим, естественно, и феномены, которые составляют содержание графосферы, оставался для этой части общества тот же монастырь, каким он сложился в результате культурного переворота много столетий тому назад. Но и здесь мы не вправе поставить точку, потому что поверх всех социальных барьеров две социально обособ-

ленные культуры XVIII–XX вв. все-таки не могли не взаимодействовать. И они взаимодействовали. При этом по многим пунктам верх одерживала традиция с религиозным ригоризмом в анамнезе. Если вспомнить о Паисии Величковском, о Дивеевском монастыре и Серафиме Саровском, о фиаско протестантского Библейского общества, об оптинских старцах и К. Н. Леонтьеве, об имяславцах и религиозных философах XX в., понятно будет, что и применительно к привилегированным сословиям России хронологические маркеры, взятые из европейской истории графосферы, имеют относительную ценность. Добавим к перечню классическую литературу с ее профетическим пафосом, объясняя который, один из умнейших в России людей писал: «Мы ищем в писателе, смешно сказать... святого... Чудовищное явление: но оно-то и объясняет, почему у нас литература стала центральным национальным явлением» [Розанов, с. 37; ср.: Панченко]. Последовавшие атеистические баталии внесли свои коррективы, но не отменили прежнюю тенденцию. Вспомнив, что русский перевод Библии вышел лишь в 2011 г. (язык предшествующего опыта трудно назвать русским), и позволив себе в некотором роде *reductio ad absurdum*, рискнем утверждать, что России вообще не коснулся гуттенберговский переворот.

Высказав несколько суждений о константах русской культуры, которые не могли пройти бесследно для сопровождавшей ее эволюцию графосферы, автор рецензии отнюдь не пытался найти просчеты в концепции Франклина. Заключение, сделанные исследователем по результатам проведенного им анализа русской графосферы, являются закономерными и логически безупречными в русле той методологии, которой он придерживается и которая нацелена на поиск сходных усредненных (если воспользоваться любимым словечком Леонтьева) черт в культурах прошлого. Не подлежит сомнению, что читатели, которые не разделяют методологических посылок Франклина, тем не менее, тоже с большой пользой для себя прочтут его выдающийся труд. И все-таки даже самые блестящие страницы в книге о русских «видимых словах» не отменяют банальную, казалось бы, истину, а именно: использование европейских стандартов, игнорирующих религиозные основания русской культуры, никогда ею до конца не изжитые, будет неизменно служить препоной на пути к пониманию оригинальных черт этой культуры. Как тут не вспомнить слова Пушкина о том, что история России «требует другой мысли, другой формулы»?

Список литературы

Буланин Д. М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков : Заметки к переводу книги С. Франклина «Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.)». СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 72 с.

Панченко А. М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема // Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб. : Азбука, 2000. С. 303–318.

Розанов В. В. А. С. Пушкин // Розанов В. В. Собр. соч. : в 30 т. М. : Республика, 1994–2010. Т. 4. О писательстве и писателях. С. 36–47.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси, 750–1200. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 624 с.

Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. 552 с.

Франклин С. Русская графосфера, 1450–1850 / пер. с англ. Т. В. Ковалевской. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 568 с.

References

Bulanin, D. M. (2010). *Traditsii i novatsii v interpretatsii russkoi pis'mennoi kul'tury pervykh vekov: Zametki k perevodu knigi S. Franklina "Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)"* [Traditions and Innovations in the Interpretation of the Russian Written Culture of the First Centuries: Notes to the Translation of S. Franklin's *Writing, Society and Culture in Ancient Russia (c. 950–1300)*]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 72 p.

Franklin, S. (2020). *Russkaya grafosfera, 1450–1850* [The Russian Graphosphere, 1450–1850] / transl. by T. V. Kovalevskaya. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 568 p.

Franklin, S. (2010). *Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)* [Writing, Society and Culture in Early Rus', c. 950–1300]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 552 p.

Franklin, S., Shepard, D. (2000). *Nachalo Rusi, 750–1200* [The Emergence of Russia, 750–1200]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 624 p.

Panchenko, A. M. (2000). *Russkii poet, ili Mirskaya svyatost' kak religiozno-kul'turnaya problema* [The Russian Poet, or Worldly Saintliness as a Religious and Cultural Problem]. In Panchenko, A. M. *O russkoi istorii i kul'ture*. St Petersburg, Azbuka, pp. 303–318.

Rozanov, V. V. (1995). A. S. Pushkin [A. S. Pushkin]. In Rozanov, V. V. *Sobranie sochinenii v 30 t.* Moscow, Respublika. Vol. 4. O pisatel'stve i pisatelyakh, pp. 36–47.

The article was submitted on 12.01.2022